

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ВЕСЁЛЫЕ ЛЮДИ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Весёлые люди

Аннотация

«Толстый, большой, пухлое румяное лицо, маленький нос кверху, губы красные бутончиком, глаза такие, точно ждут чего-нибудь веселенького, – вот вам и Володька, друг и приятель мой...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Гарин- Михайловский Весёлые люди

I

Толстый, большой, пухлое румяное лицо, маленький нос сверху, губы красные бутончиком, глаза такие, точно ждут чего-нибудь веселенького, – вот вам и Володька, друг и приятель мой.

Познакомились мы с ним при следующих обстоятельствах: Володька (мы тогда еще не были знакомы) срезался по аналитике и высшей алгебре. Срезался совершенно прилично: все время что-то писал на доске, что-то объяснял профессору, затем оба они, и профессор и Володька, на мгновение точно задумались и разошлись. Профессор пошел к столу ставить отметки, а Володька, тяжело переваливаясь и облизывая выпачканные мелом пальцы, пошел прочь, к нам, остальным студентам. На лице его было скромное сознание исполненного долга и что-то еще очень симпатичное: так, по примеру некоторых, он не полез сейчас же смотреть через головы других, сколько именно ему поставили. Действительно не все ли равно – четыре или пять?

С невольной завистью я подумал за Володьку: «пять, конечно», вытянув шею над головами других, заглянул в экзаменационный список. Каково же было мое удивление, когда перед его фамилией по двум вопросам я увидел две двойки, а по третьему – громадную, сверкавшую на весь лист, единицу. Я смотрел на эти двойки и единицу и на средний вывод за скобками – один целый и шестьдесят семь сотых – и на Володьку... Случись мне так срезаться, – я отошел бы с таким оплеванным, жалким лицом, что всякому ясно сейчас же стало бы, что я ничего не стоящий, ничтожный человек. А Володька вон как поступил. О, это искусство владеть собой, оно дорого стоит в жизни.

Я слежу за Володькой глазами. В выходных дверях он столкнулся с каким-то пожилым студентом.

– Уже держали?

– Да.

Это говорит он, Володька, говорит деловым, удовлетворенным тоном и быстро проходит в коридор.

Я незаметно иду за Володькой и ловлю его, когда он, вероятно, думал, что он теперь один со своими мыслями. Он ходит, озабоченно потирая руки; ага! и это веселое и всегда возбужденное лицо может быть и таким! И все-таки приличным; не раскис, не упал духом – деловито озабочен. Люди, которые умеют владеть собой при таких условиях, и поражения превращают в победу.

Походил, походил Володька и опять назад, – назад, где эк-

замен идет. Я за ним. Что больше делать человеку, который уже получил свою тройку, был сперва огорчен этим и только, а теперь сознал, что лучше тройки, в сущности, ничего на свете нет: дать Володьке теперь эту тройку?

Володька подошел к профессору. Вообще подслушивать я не охотник, но теперь мое ухо чутко ловит слова из разговора профессора со студентом. Речь о переэкзаменовке: он, Володька, был болен; ну, конечно, профессор согласен назначить переэкзаменовку через месяц. Володька кланяется и уже с веселым лицом отходит: инцидент исчерпан.

Я провожаю его в последний раз глазами и принимаюсь наблюдать другие жертвы, стоящие там, у доски. Вот отошел еще один – бледный, растерянный: двойка, конечно. Куда пошел теперь Володька? Он никогда не остается после экзаменов. Вероятно, у него здесь семья, сестры есть, хорошенькие кузины, веселая компания... Сегодня поедут, наверно, на лодке: отчего не поехать, день прекрасный, весна.

Я вздыхаю и думаю: хоть бы ради экзамена достать где-нибудь рублевку, поехал бы и я куда-нибудь. Хорошо, что хоть обеденная марка в кармане...

Прошла неделя. Опять экзамен, опять у меня тройка, и опять я шляюсь по институту.

Забрел на третий курс: и там экзамен по аналитической механике. Тот же профессор, который срезал Володьку. На досках какие-то иероглифы; через два года и я пойму их.

Профессор о чем-то разговаривает с студентами: надо послушать. Говорит профессор, что через неделю за границу уезжает.

Как так – через неделю?! А Володьке назначил через месяц переэкзаменовку.

Говорю:

– Профессор, а как же насчет переэкзаменовки, помните...

Напоминаю ему обстоятельно: вспомнил. Совершенно растерялся (мальчишка и он еще совсем), тянет меня за пуговицу:

– Видите, в чем дело, – я сегодня последний ведь день экзаменуую...

– Тогда, если позволите, я съезжу за ним, – говорю я.

– Ах, пожалуйста! – сказал он.

И каким тоном сказал, – точно на всю жизнь я сделал ему одолжение. Узнаю адрес Володьки и, хотя совсем без денег, беру извозчика (где же там рассуждать в такие минуты о деньгах: а вдруг профессор опять забудет, успеет уйти и тогда что же? Остаться Володьке?).

Еду и умираю от волнения, если не застану Володьку дома.

Он дома.

Вхожу. Такая же обстановка, как и у меня: очевидно, меблированная комната, темный коридор, спертый запах, фигура толстой хозяйки точно качается там во мраке. Вхожу в

светлую большую комнату: чисто и аккуратно, вязаные белые салфеточки на красной мебели, – в Володьке что-то немецкое несомненно есть. А вот и сам Володька в углу: удобно уселся в кресле, лекции сбоку, – дрессирует щенка. Дрессировать не хочется, но это все-таки интереснее, чем лекции.

– Позвольте познакомиться...

Объясняю: так и так. Володька сообщает мне новость, которую я и без него знаю: он-де ничего еще не знает по алгебре. Я на мгновение задумываюсь и делюсь первой сверкающей в моей голове мыслью:

– Пройдем наскоро уравнение со многими неизвестными.

– А если как раз это и не спросят?

Володька и я смеемся. С его лица так и брызжет благодушие, веселье и в то же время смущение.

Мы уже товарищи. Я чувствую это и говорю возбужденно, радостно:

– Устроим так, что наверно спросят... Что-нибудь же знать необходимо...

Конечно, это ясно. Я дьявольски деловой человек для других.

Проходит полчаса, и мы с уравнением со многими неизвестными в наших головах мчимся уже в институт, возбужденные, поглощенные предстоящим.

Передать невозможно, как хорош был день: весенний, яркий; так и сверкают, так и тонут там, в голубом небе золотые

блестки и движутся в воздухе, и сверкают, и собираются, исчезая там, выше, выше, совсем вверху.

А эта даль Фонтанки и какие-то здания и церкви, и там дальше – разорванные, мягкие, слегка подрумяненные облака.

Хорошо! И я от всей души уже люблю этого Володьку.

Вот и институт: скорей, скорей!

– Голубчик Антонов (швейцар), – говорю я торопливо, смущенно, не глядя, – заплатите, пожалуйста, извозчику пятьдесят копеек.

– Позвольте, я...

Это прерывает меня Володька! Он вынимает кошелек, – ого, у него есть деньги, может быть, у него миллион?! он бежит уже по лестнице; я за ним.

Мы входим в аудиторию: последние жертвы у доски, одна доска уже пустая – Володькина. Профессор смущенно идет к нам навстречу: ясно, как божий день ясно, что он должен теперь перевести Володьку.

Володька говорит, что не успел подготовиться, но берет на себя нравственное обязательство в течение лета... (В течение лета?! Голову на отсечение даю, что так и не притронется...). А теперь, пока, он просит смотреть просто на теперешний экзамен, как на формальность...

Тон верный.

Профессор смущенно только повторяет:

– Конечно, конечно...

А я уже подсказываю профессору:

– Уравнение со многими неизвестными...

Профессор со страхом смотрит на Володьку и, точно извиняясь, спрашивает:

– Можете?

Володька скромно, но так, что меня что-то точно щекочет внутри: «попробую», и ноздри его на мгновение расширяются... Ах, как он владеет собой!

Он уже пишет на доске, а я слежу и думаю:

«Способный, подлец: все понял».

– Очень вам благодарен, – говорит через несколько минут профессор, подходя к доске Володьки и бегло оглядывая его уже исписанную доску, – извините, пожалуйста...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.